

ЛИНГВИСТИКА И УРОВНИ ЯЗЫКА

З.Г. Прошина

ДЕРИВАТЫ ВОСТОЧНОАЗИАТСКИХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; proshinazoya@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи — рассмотреть процесс появления и развития слов, основы которых заимствованы из китайского, корейского и японского языков и которые подверглись дальнейшему процессу деривативного словообразования в русском языке, нередко приходя в него через английский язык. Методы: сопоставительный и словообразовательный анализ, использована семантическая и категориальная классификация с соответствующими приемами исследования заимствованных основ и их дериватов в синхронном срезе, с учетом динамических изменений в языке. Результаты исследования: заимствованные из восточных языков в русский язык основы составляют несколько семантических групп (топонимическую, этнонимическую, историческую, политическую, философскую, религиозную, спортивную, научную, бытовую (еда, напитки, досуг и др.), биологическую, финансово-экономическую, социальную, искусствоведческую). Их производные чаще всего остаются в том же семантическом поле, но могут подвергаться и семантическому развитию. Частеречная классификация дериватов выявила не только существительные, но и много прилагательных, а также несколько глаголов и наречий. Дана характеристика и показана роль аффиксальных средств; рассмотрена вариативность некоторых производных и выявлены ее причины. Выводы: использование деривации посредством русских аффиксов является одним из шагов ассимиляции еще не полностью принятой в язык-реципиент корневой основы. Английский язык нередко играет посредническую роль в современных процессах заимствования: будучи глобальным, он приносит в иные языки и культуры, в частности, в русский язык и русскую культуру, новые концепты, получающие локальные формы и осваиваемые языком-реципиентом, в том числе за

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; proshinazoya@yandex.ru

счет процесса деривации посредством локальных словообразовательных средств.

Ключевые слова: заимствование, иностранное слово, китайский язык, японский язык, корейский язык, русские аффиксы, деривация, английский язык как посредник

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-1

Для цитирования: Прошина З.Г. Дериваты восточноазиатских слов в русском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 3. С. 9–27. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-1

Введение: теоретические основы

Контакты языков приводят к огромному потоку заимствований, заполняющих лакуны, номинирующих новые реалии, усиливающих эмоциональные оттенки речи, расширяющих вокабуляр конкретного языка. В качестве одной из примет нашего времени отмечается активация употребления иноязычных слов в современном русском языке [Крысин, 2000]. Как отмечают многие ученые, начиная со второй половины XX века большая часть заимствований происходит из английского языка как языка глобального общения [Крысин, 2000; Дьяков, 2012, 2018]. Можно было бы ожидать, что и в самом деле английский, как и другие западноевропейские языки, составляет доминантную долю заимствований в современном русском языке. Однако геополитическая ситуация, заставившая россиян пристальнее посмотреть на Восток, помогла выявить огромный пласт лексики восточноазиатского происхождения, давно вошедшей в русский язык (как *чай*, *шелк* и др.) и продолжающей процесс вхождения, иногда не без влияния и вмешательства английского языка, участвующего в опосредованных контактах [Хашимов, Сотникова, 2021] с восточными языками (что стало приметой нашего времени), создающего новые формы, порой не принимаемые востоковедами, но прочно закрепляющиеся в узусе русского языка (сравните конкуренцию англизированной формы *суши* и транскрибированной формы, введенной востоковедами, *суси*, аналогично *тайчи* — *тайцзи* и др.).

Активация иноязычных слов проявляется, в том числе, через «лавинообразный характер» [Юдина, 2010: 104] словообразовательных процессов [Жданова, Рацибурская, 2024], в том числе в заимствованиях [Рацибурская, 2019]. Выделяют следующие функции словообразования как «мощного, активного механизма» развития

языка [Земская, 2007: 186]: (1) собственно номинативная; (2) конструктивная, (3) компрессивная, (4) экспрессивная, (5) стилистическая [Земская, 1992], (6) игровая [Земская, 2007].

Одна из проблем, обсуждаемых в современном языкознании — соотношение терминов «заимствование» и «иностранное слово». Те, кто их разграничивает, считает, что заимствование — это слово, прошедшее период ассимиляции, а иностранное слово осознается как «чужое»¹ [Габреева и др., 2013: 21]. Однако, как показало наше предыдущее исследование [Прошина, 2020], разница между этими двумя группами не всегда четко проявляется, и существует множество переходных случаев.

Близким к вышеупомянутой проблеме стал и вопрос о дериватах, образованных от иностранной основы. Оформленные русскими аффиксами, такие дериваты нередко именуются гибридами² [Маринова, 2013: 70]. Говоря об иностранных словах, Е.В. Маринова отмечает два подхода: генетический и лексикографический. Первый подход ориентируется на этимологию слова, второй — на восприятие слова как «чужого» [Маринова, 2008: 23]. Именно при втором подходе слова-гибриды нередко помещаются в словари иностранных слов как производные от иностранных. Нам импонирует позиция тех лингвистов [Шанский, 1972: 178–179; Смирницкий, 1998: 244; Маринова, 2008: 29], кто говорит о промежуточном статусе такой группы слов, о возможной множественности их интерпретации [Крысин, 1968: 118]. Несомненно, что, образовавшись от иностранных основ на русской почве, они тяготеют к приобретению статуса русского слова, хотя и воспринимаются еще как новые слова, прибывшие из другого языка.

Еще один вопрос может возникнуть при обзоре производных слов с «чужой» основой: можно ли их называть заимствованными дериватами или только дериватами от заимствованных слов? Ответ здесь видится однозначным: это дериват от «чужого» слова, а не «чужой» дериват, поскольку здесь заимствован только корень, а аффикс имеет иное происхождение; в то время как заимствованные дериваты образуются в самом языке-доноре и приходят в другой язык вместе со своими аффиксами. Примерами такого контраста могут быть слова *каратека* и *каратист*. Первое образовано на японской почве и пришло в русский дискурс со своим суффиксом *-ка*. Оно является заимствованным дериватом. Второе же, будучи его

¹ Проблема «чужого слова» в языке и тексте обсуждается в журнале «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» 2025. № 1.

² О феномене гибридности см. [Загряжская, 2022].

синонимом, создано уже на русской почве с помощью суффикса деятеля *-ист* и классифицируется как дериват от заимствованного слова *карате*.

В коллективной монографии «Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода» авторы утверждают, что если заимствованная основа не представлена автономным словом в принимающем языке, то такие дериваты нельзя относить к заимствованиям, поскольку «они образованы в русском языке при помощи словообразовательных средств принимающей системы» [Габдреева и др., 2013: 34]. Такие дериваты отличаются от производных, которые образованы от ранее заимствованных слов. В нашем случае большинство дериватов созданы почти одновременно с вхождением в русский язык заимствованных основ — процесс характеризуется молниеносностью вхождения основ и образования от них дериватов.

Материал и методы

Наше исследование проведено на корпусе собранного нами материала, который лег в основу русско-английского контактологического словаря восточноазиатских слов [Прошина, 2024]. В него входят слова китайского, японского и корейского происхождения, собранные в русскоязычных текстах разных жанров и стилей. Отмечаются в словаре также и дериваты от слов восточноазиатского происхождения.

Исследование строилось путем отбора дериватов, связанных с китайскими, японскими и корейскими словами, встретившимися как в печатных, так и в электронных текстах, как офлайн, так и онлайн. После выборки производных слов с русскими аффиксами было сделано несколько классификаций: по семантике производящих основ, сохранению этой семантики или семантическому развитию дериватов; по частям речи, которые представляют дериваты; по способам деривационного словообразования. Завершает исследовательскую часть раздел о типах и причинах вариативности производных слов.

Результаты и обсуждение

Семантические классы производящих основ и их производных

Если распределять по семантическим классам производные от восточноазиатских заимствований, базируясь на семантике их производящих основ, то можно выделить следующие сферы, вклю-

чающие как одиночные слова, так и целые словообразовательные гнезда:

- **топонимическая** группа содержит самое большое количество дериватов — более 100 гнезд, образованных от восточноазиатских топонимов: *акитец, акитцы, акитский; гонконгец, гонконгоженка, гонконгцы, гонконгский; хэйлуницзянец, хэйлуницзянка, хэйлуницзянцы, хэйлуницзянский; китаец, китаянка, китайцы, китайчонок, китайчата, китаёнок, китаёза, китайский, китаизация, китаизированный, окита́иться, китайщина, китаизм, китаистика, китаист, китаевед*. Заимствованные основы в этой группе обозначают города (*иокогамка, хиросимец*), провинции и префектуры (*хунаньцы, хубэйский*), страны (*китайский, японский*), районы и регионы (*тибетский, кансайский, ликейский*), городские места (*тяньаньмэньский, гионский*);

- **этнонимическая** группа (чуть более 50 гнезд): их заимствованные основы означают крупные и малые народности: кит. *буи* > *буитянка, буитяне, буйцы, буйский, буитянский*; кит. *лису* > *лисуанец, лисуанка, лисуане*; яп. *айн* > *айнский*;

- группа **исторических** наименований (более 50): от основ, обозначающих исторические периоды (*мэдзийский, хэйанский*), исторические династии (*танский, минский*); социальные группы (*хунхузский; самурайский, самура́йство*); древние государства (*пэкчийцы, пэкческий; силланцы, силла́нский, силлаский; бохайцы, бохайский; яматоский*);

- **политическая** сфера включает около 10 гнезд производных слов: *маоизм, маоист, маоистский, маоцзэдуновский; чанкайшист, чанкайшистский, античанкайшистский, прочанкайшистский; лисаневщина; суньятсенизм* — основа этих гнезд связана с антропонимами. представляющими имена политических деятелей; есть основы, ассоциируемые с политическими партиями, движениями, идеологиями: *гоминьдановец, гоминьдановцы, гоминьдановский, прогоминьдановский, антигоминьдановский; хунвейбиновский; чучейский*;

- **философская** область представила нам также около 10 производных гнезд: *конфуцианство, конфуциев, конфуцианец, конфуцианка, конфуцианцы, конфуцианский; чжусианство, чжусианский; моизм, моист, моистский; янминизм, янминист, янминистский, янминовский, ванъянминист, ванъянминовец, Ван Янминовский; тунчэньцы, тунчэнский; иньный, иньский; янный, янский (от кит. *инь* и *ян*) и др.*;

- сфера **религии** включает 10 производных гнезд: *дзеновский, дзэновский, дзэнский, дзэн-буддийский; амидизм, амидаизм, амидаист, амидист, амидаистский; даосизм, даосист, даосистский, даосический, даосский, даоский, таоизм, таоистский; ламаизм, ламаист, ламаистский; нитирэнизм, нитирэновский; синто, синтоизм, шинто, шинтоизм, синтоист; синтоистский; аумовец / аумовцы, аумсинрикёвец, аумовский; тэндайский; хуаяньский; чаньский;*

- группа **спортивных** наименований (около 10 гнезд), относящихся к восточным единоборствам (*айкидоист, айкидоистский; каратист, каратэист, каратеист; каратистка; каратистский, каратеистский; сумоист, сумист, сумошник; сумоистский; ушуи-зация, ушуист, ушуистический, ушуистский; ушуистический*) или к настольным играм (*гоист; сёгист*);

- группа основ, которые можно ассоциировать с **научными**, главным образом, психологическими и лингвистическими терминами (менее 10 гнезд): *яп. кокоро* ‘дух, внутренний мир’ > *кокологический, кокология*; *яп. кунный, онный*; некоторые из терминов относятся к названию диалектов: *мандаринский, миньский*; к группе научных терминов можно отнести и подгруппу геологических слов: *каолинизация, каолинит, каолиновый*;

- группа производных, связанных с основами, ассоциируемыми с **едой**, сравнительно невелика (менее 10 гнезд): *яп. сушист*; *кит. чифань* ‘есть зерновую пищу’ > *чифанить, чифанька, чифанка, чуханька*; *кит. димсам* ‘легкие блюда к чаю’ > *димсамовый*; *кор. манту* > *мантышница, мантовница*;

- группа **напитков** — менее 10 гнезд, самым крупным из которых является гнездо, ассоциированное с традиционным китайским напитком, название которого появилось в русском языке одним из первых³: *чай, чаинка, чаеванье, чаевать, чаёвничать. чаёвник, чаёвница, чаёк; чайная, чайный, чайник, чайница, чайничанье, чайничать*; в эту же семантическую группу входят названия чайных сортов: *лунцизинский* («колодец дракона»), *улунский, пуэровский*. Второй тип напитка, связанного с заимствованными словами, — алкогольный: *ханшин* ‘водка’ > *ханшинный*; *гаоляновка* ‘водка из гаоляна’; *кор. инсам-суль* ‘водка из женьшеня’ > *инсамовка*;

- группа **биологических терминов**, подвергшихся деривации в русском языке тоже не очень многочисленна — чуть более 10 гнезд; при этом большую их часть составляют производные от

³ Слово *чай* было заимствовано в русский язык в сер. XVII в. См.: Этимологический словарь русского языка Семенова. URL: <https://rus-etmo-semenov-dict.slovaronline.com/search?s=чай> (дата обращения: 05.03.2025).

наименований флоры: *мандаринка, мандаринный, мандариновый; женьшеневый, женьшеньщик; соевый*, кит. *чумиза* ‘злаковое растение’ > *чумизный* и др.; четыре слова относятся к сфере фауны: *пандочка; пекинесик; мандаринка* ‘утка’, *мандаринский; танукский* (< яп. *тануки* ‘енот’); два — к области ихтиологии: яп. > *ивасёвый*, кор. > *минтайный*;

- около 10 гнезд представлено в сфере **финансово-экономической** деятельности: производные от названия денежных единиц: *воновый, юаневый, иеновый*; от названий предприятий и компаний: *чеболизация; самсунговец; самсунговский; хёндаевец, хёндаевцы*;

- в области **досуга**, особенно в молодежной субкультуре, обнаруживается менее 10 гнезд: *аниме* ‘японская мультипликация’ > *анимешник, анимешный*; яп. *оригами* > *оригамист, оригáмика, оригамный*; кит. *ганьбэй* ‘тост: пей до дна’ > *ганьбэйчик, ганьбэйить*; яп. *кавайи* ‘милый’ > *кавайный, кавайность, кавайно*; яп. *манга* ‘комикс’ > *манговый, мангаиный; тамагочиха, тамагучик* ‘игрушка’; *муняшка* ‘поклонница японской молодежной субкультуры’;

- область **искусства** (поэзии, музыки, театра и пр.) также представила несколько дериватов: *тáнкист* (< яп. *танка*), *хоккуист, хайкаист; пипаист* (< кит. *пипа* ‘струнно-щипковый музыкальный инструмент’), *каягымистка, хэгымистка* (< *каягым* и *хэгым* ‘корейские музыкальные инструменты’); *кабукинский* (< *кабуки* ‘японский театр’); *сангамский* (< *сангам* ‘корейская техника инкрустации’);

- в области наименований **природно-климатических** явлений встретилось два производных слова: *муссонный; тайфунный*;

- немногочисленна и группа производных, относящихся к области **социальных** отношений: *аджуммский, гайдзинский, лаовайский*;

- очень небольшая группа заимствованных производящих основ из **бытовой** сферы деятельности дала возможность использовать дериваты, связанные со строениями (*фанзушка*), тканями (*нанковый, чесучовый*).

Семантическое развитие производных

Интересно пронаблюдать семантическое переосмысление некоторых производных в русском языке, за которым, несомненно, стоит процесс «концептуальной деривации» [Болдырев 2021: 58]. Так, например, топонимическая основа, связанная с названием государства, проявляется в виде деривата в других тематических полях: связанных с наименованием ткани (*китайка; китаечный, китайчатый*), растения (*китайка* ‘яблоня’), предприятия питания

(китайка ‘китайский ресторан’) — так возникает омонимия. Этнонимы от названий крупных азиатских государств переосмыслены в названия производимых в этих странах автомобилей: японка, японец, корейнка, кореец, китаец; например, «И хотя самой распространённой иномаркой в структуре российского автопарка все еще остается “Тойота”, осенью 2004 года эту фирму по объемам продаж в России новых машин обогнала южнокорейская “Хендэ”. Не в последнюю очередь потому, что **“корейнок”** делают в Таганроге. (газета «Владивосток», 2004). Практически в каждом нашем доме стоят телевизоры корпорации “Samsung”, сковородки “LG”, многие из нас ездят на **“корейцах”** — “хёндэ” и “kia”, некоторые занимаются тэквондо, но что нам известно про саму страну и ее жителей?» (О. Кирьянов. Корея и корейцы, 2013, с. 5). «Именно за этот сегмент рынка конкурируют между собой новые “Жигули” и поддержанные **“японки”**, и чем дальше от Тихого океана, тем прочнее позиции отечественного автопрома» (газета Владивосток, 2005). «Но время прошло, и китайский автопром не просто прокачался, а ворвался на рынок так, что теперь даже заядлые фанаты **“японцев”** и **“немцев”** смотрят на Chery, Geely, Haval и прочих с любопытством. А вопрос теперь стоит не в том, **“а стоит ли брать китайца?”**, а в другом — **“какой китайский автомобиль лучше купить в 2024–2025 году?”**» (Дзен, 2025).

Название животного *тануки* стало популярным брендом российских ресторанов — отсюда слово *танукский* у русских ассоциируется с предприятием питания. Антропоним Сунь Ятсен, имя отца китайской революции, через дериват *суньятсеновка* ‘китайский френч с воротником стойкой и накладными карманами’, который стал носить Сунь Ятсен в качестве символа аскетизма в противовес императорским одеяниям, связан с тематическим полем ‘одежда’. С полем ‘обувь’, где появился дериват *шанхайки* ‘дешевые тряпичные тапочки’, ассоциируется топоним Шанхай.

Некоторые дериваты китайского слова *чай* тоже получили семантическое развитие и переосмысление в новом тематическом поле: *чаевые* — ‘добровольная благодарность за качественный сервис (официанту, горничной в гостинице и пр.)’; *чайник* — ‘новичок в каком-то деле, науке и пр.’: «... **для чайников**» (англ. «... for Dummies») — серия книг, которая изначально должна была помогать начинающим пользователям в освоении компьютера. Впоследствии в рамках серии начали также выходить книги на некомпьютерные темы» (РУВИКИ, 2025). Собственно говоря, в последних примерах налицо «деактуализация межъязыковой мотивированности» [Каз-

кенова, 2013: 46], при которой в сознании пользователей заимствующего языка слово не ассоциируется с заимствованием из другого языка. Нельзя не согласиться с позицией тех лингвистов, кто считает, что семантическое развитие заимствованной основы — один из признаков освоения слова в языке-реципиенте [Казкенова, 2013: 41].

Морфологическая классификация производных

Несмотря на то что большинство заимствований в любые языки, как известно, представляют собой имена существительные, дериваты от восточноазиатских заимствований в значительном количестве представлены прилагательными. Многие из них соотносятся с нижеследующим:

- топонимами, обозначая место происхождения, свойства, характерные для объектов и субъектов данной местности, что-то совершенное в данной местности и пр.: *айгуньский, пхень-янский, йокогамский*;
- этнонимами, называя признаки народностей: *баянский, насийский*, признаки, напоминающие определенный этнос и его культуру, возникшие в результате влияния определенного этноса: *японизированный, кореизированный*;
- историческими терминами, называя исторические периоды, социальные группы, свойственные каким-то историческим периодам, древним государствам: *камакурский, когурёский, лунианьский*;
- научными, философскими и религиозными терминами: *чжусианский, даосистский, чаньский, кокологический*;
- социальной сферой: *аджуммский, гайдзинский*;
- финансовой сферой: *воновый, юаневый*;
- свойствами или ассоциациями с какими-то продуктами, изделиями: *ханишинный, димсамовый, китайчатый*.

Есть среди дериватов и глаголы: *китаизировать, окитаить-ся, чифанить, ганьбэйить*. Многие из них возникли и используются в просторечии, возможно, для экономии усилий, поскольку одновременно называют процесс и ассоциируются с определенной культурой: *чифанить* ‘есть в китайском ресторанчике’, *ганбэйить* ‘произносить тост (в восточном ресторане)’.

В корпусе словаря обнаружены также два деривата в форме наречия: *фэншуйно, кавайно*.

В стилистическом плане, как видим, дериваты от восточных заимствований делятся на две большие группы: книжные (*мандаринский, пуэрловский, пипаист*), к которым примыкают и нейтраль-

ные (*оригамный, хайкаист, каратист*), и разговорно-просторечные (*мангашный, тамагочиха, шанхайки*).

Характеристика деривационных средств

Среди словообразовательных средств в восточноазиатских заимствованиях преобладает суффиксация.

Наиболее продуктивным оказывается суффикс **-ск-**, образующий прилагательные со значением (1) 'относящийся к, имеющий отношение к': *айнская кровь; ачанский язык, бохайская эпоха, даосский культ, цинский император*; (2) 'происходящий из': *суйфэньхэские семьи, харбинские артисты, тибетские крестьяне, туйские женщины*; (3) 'расположенный или происходящий в или близ': *Амойский университет, аньцинский мост, бэйцзинский двор, тяньань-мэньские события, Цусимское сражение, Шаолиньский монастырь*; (4) 'созданный, сделанный в': *айгуньский договор, исинский чайник, сычуаньский шелк, цзиндэжэньевский фарфор*; (5) 'характерный для, свойственный': *аджуммский ('бабский, женский') перманент, аньхойский стиль, гайдзинский маршрут, самурайское наставление; улунский чай*; (6) 'состоящий из': *хунхузский отряд*. Этот же суффикс может добавляться к другому суффиксу, например, **-ист-ск-**: *айкидоистский*, при этом последняя гласная корня может сохраняться (*каратеистский*) или опускаться (*каратистский*); *ламаистский; чанкайшиистский, янминистский*. Присоединяется суффикс **-ск-** и к суффиксу **-ов-**, также проявляя значение 'имеющий отношение к': *аумовский 'имеющий отношение к секте Аум Синрикэ', гоминьдановский 'имеющий отношение к Гоминьдану, националистической партии на Тайване', манзовский 'имеющий отношение к уссурийским китайцам', пуэровский 'относящийся к, связанный с сортом чая пуэр'*. В слове *баянский* 'имеющий отношение к народности бай' суффикс **-ск-** добавлен к суффиксу **-ан-**.

Поскольку много восточных заимствований являются этнонимами и катойконимами⁴, их корни принимают суффикс **-(е)ц-** для обозначения лиц мужского рода (*хэйлуницзянец, хунанец, йокогамец, японец, лобаец*) или множественного числа (*хэйлуницзянцы, хунаньцы, йокогамцы, японцы, лобайцы*). Для обозначения лиц женского рода используется суффикс **-к-**: *йокогамка, окинавка, кантонка, цянка, тайванька, японка, лобайка*. Корни, заканчивающиеся на гласную, нередко перед суффиксом имеют добавочный элемент: [j] — *мэньба > мэньбаец, мэньбайка, мэньбайцы; наси > насиец, на-*

⁴ Катойконимы — название жителей по месту их проживания.

сийка, насийцы; ту > туйцы; -с-, например, тоба > тобасцы, мохэ > мохэсец, мохэсцы; -т- в случае лаху > лахут, лахуты, лахутка; -ан-/ян- как в лису > лисуанец, лисуанка; ту > туянец, туянка; ли > лиянец, лиянка, лийцы; -т+ян+к- в словах яо > яотянка, гэлао > гэлаотянка; мулао > мулаотянка.

Слова со сложными суффиксальными образованиями **-тян-** обычно имеют форму единственного числа мужского рода, заканчивающуюся на **-ин** — например, мулаотянин < мулао, сиботянин < сибо, цзинотянин < цзино, цзинпотянин < цзинпо, а во множественном числе — только суффикс **-тян-** с собирательным значением: мулаотяне, сиботяне, цзинотяне, цзинпотяне (последнее варьируется с формой *цзинпосцы*). Суффикс **-ан-** также может создавать собирательные формы множественного числа: лису > лисуане.

При образовании форм женского рода в некоторых словах наблюдаются чередования согласных: гонконгец — гонконженка; óсакец, осакицы — осакчанка. У этнонима хуэйцзу, образованного с помощью эпентетического гласного от слова, латинская форма которого (huizu) доказывает нам неблагозвучность транслитерации, если бы она применялась, форма женского рода сохраняет от исконного корня только первые две буквы: хузянка.

С суффиксом **-(е)ц** употребляются не только дериваты от этнонимов и катойконимов, характеризующиеся значением 'имеющий отношение к'. Это же значение свойственно производным от других тематических групп: самсунговец, хёндаевец 'имеющий отношение к компании Самсунг или Хёнда'; конфуцианец 'имеющий отношение к конфуцианству'. Данные слова также осложнены предшествующими суффиксами **-ов-**, **-ев-** и **-ан-**.

К другой тематической группе относятся некоторые слова с суффиксом **-к-**: шанхайки (обувь), мандаринка (утка). С этим суффиксом происходит универбация — образование слова из словосочетания [Лопатин, 1997: 577], или сокращение производящей основы, в роли которой выступает словосочетание [Современный русский литературный язык, 2010: 390; Маркова, 2024]: гаоляновка < гаоляновая водка, инсамовка < настой инсама, или женьшеня; суньятсеновка < френч, который любил носить Сунь Ятсен. При этом суффикс **-ов-**, за которым следует **-к-** универбатума, можно считать остатком от основы прилагательного: гаолянов^{ая} водка, инсамов^{ая} настойка, суньятсенов^(ский) френч. Универбатами как средствами компрессии и экспрессии (разговорности) являются также названия машин по стране их производства: японка, корейка [Земская, 2000: 119].

Суффикс **-к-** может выполнять роль уменьшительно-ласкательного, что весьма характерно для русской речи: *мандаринка* < *мандарин* 'цитрусовый плод'; *чифанька* 'недорогая китайская столовая или кафе' < кит. *чифань* 'есть зерновую кашу'. Такую же уменьшительно-ласкательную функцию выполняет суффикс **-ёк-** (*чаёк*). Суффикс **-ик-** тоже выполняет эмотивную функцию: *пекинесик*. Аналогичную функцию имеет суффикс **-ушк-**, присоединяемый к заимствованным словам: *фанзушка* < *фанза*. Пример употребления последнего слова в рассказе М. Щербакова из книги «Корень жизни»: «И, конечно, он никак не мог предположить, что найдет в фанзушке, под тряпьем, такой удивительный корень» (Щербаков, 2004, с. 102). Как показано в работе донецких исследователей О.Л. Бессоновой и А.С. Ососковой [Бессонова, Ососкова, 2024], диминутивные и аугментативные суффиксы имеют эмотивно-оценочные значения — и не только в русском языке.

Прилагательные нередко образуются посредством добавления суффикса **-ов-** (*воновый* счет; *гаоляновы́й* самогон; *димсамовый* ресторанчик, *каолиновая* керамика, *манговая* культура — связанная с японскими книгами манга, *тунговое* масло, *ивасёвый* жир и др.) или **-ев-** (*женьшеневый* чай, *конфуциев* идеал, *цзиндэчжэневский* фарфор, *юаневый* центр).

Еще один достаточно продуктивный суффикс прилагательных — **-н-**, свойственный относительным прилагательным: *иньная* и *янная* энергии, *кавайная* одежда, *мандаринная* корка, *минтайный* фарш, *муссонный* климат, *онное* чтение 'японская интерпретация китайского произношения иероглифа', *оригамный* журавлик, *тайфунный* сезон, *фэншуйные* каноны, *ханишинный* завод и пр.

Кроме обсужденных выше суффиксов, к продуктивным элементам можно отнести интернациональные суффиксы, типичные для научного дискурса: **-изм-**, означающий направление мысли, религиозное течение, идеологию или культурно-языковое заимствование, (*ламаизм*, *маоизм*, *синтоизм*, *тэнноизм*, *китаизм*, *японизм*) и **-ист-**, обозначающий человека, занимающегося чем-то (*айкидоист*, *даосист*, *дзюдоист*, *китаист*, *кэндоист*, *пипаист* 'музыкант, играющий на пипа', *гоист* 'игрок в го' и др.).

Глаголы, несмотря на их небольшое количество среди дериватов, образуются посредством суффикса **-и-**: *ганьбэйить*, *чифанить*.

Гораздо менее продуктивными, как показывает корпус материала, несмотря на утверждения об их активности в русском языке [Земская, 2000: 107], являются суффиксы **-изаци-** (*чеболизация*, *каолинизация*, *китаизация*, *ушуизация*) со значением 'распространение

какого-либо явления или культуры'; **-изирова-** (с глаголами — 'подвергать влиянию': *японизировать, кореизировать, китаизировать*; с прилагательными — *китаизированный, кореизированный, кореизированный, пиджинизированный*⁵). В этом же ряду стоят существительные с суффиксом **-истик-** (*китаистика, японистика, кореистика*) для существительных, **-истическ-** для прилагательных (*японистическая память; ушуистическая киноподелка*). Научный дискурс использует абстрактные существительные с суффиксами **-анств-** (*конфуцианство, чжусианство*) для обозначения философского и идеологического направления, **-ств-** (*самурайство*) для создания собирательного понятия. В обыденной речи людей, увлекающихся восточными практиками, встречаются дериваты с суффиксом **-ость** (*фэньшуйность, кавайность*), показывающие сущность процесса или явления. Просторечным употреблением характеризуются дериваты с суффиксом **-инн-**: *анимешник, анимешный фанат, кендошный кий, мангашный комикс*. Возможно, последний суффикс является разговорным вариантом суффикса **-чн-** в более устаревших и книжных словах: *китаечная фабрика, сушичная*.

Единичный пример встретился с суффиксом **-щик** (*женьшеньщик*).

Среди дериватов с не очень продуктивными и непродуктивными суффиксами есть эмоционально окрашенные: с отрицательной коннотацией **-щин-** (*китайщина, японщина, лилисаневщина*), **-ёз-** (*китаёза, корейёза*), **-шк-** (*япошка*); с положительной оценочностью **-яшк-** (*муняшка 'фанат аниме-сериалов'*), **-(j)онок / -чонок, -чат-** (*китаёнок, китайчонок, китайчата*).

Префиксальные образования очень редки. В нашем корпусе встретился глагол с префиксом **о-** (*окитаиться*), а также с греческими **нео-** и **анти-** (*неоконфуцианство, антигоминьдановский союз*) и латинскими **пост-** (*постконфуцианство*), **про-** (*пропекинский, прогоминьдановский, промаоистский*).

Вариативность дериватов

При анализе дериватов от восточных слов обнаруживается немало вариативности, в чем некоторые лингвисты усматривают определенную закономерность освоения иноязычной лексики [Габдреева и др., 2013: 31].

⁵ Одна из самых распространенных версий образования термина *пиджин* заключается в том, что это слово заимствовано из китайской речи, где оно образовалось в результате контакта с английским словом *business*.

С одной стороны, вариативность может быть связана с употреблением разных суффиксов — например, *ушуистический/ушустский, иньный/иньский, мандаринный/мандариновый*, что может объясняться как сравнительной новизной слов для русскоязычного пользователя и отсюда — неустойчивостью употребления (*манговый/мангашный*), так и наоборот, сложившимися конвенциями употребления и новым узусом — к примеру, как показывает Национальный корпус русского языка, использование слова *мандаринный* стало расширяться с 2005 г., в то время как *мандариновый* используется с начала XX века⁶ и соперничает с более новой формой.

В вариантном отношении конкурируют формы более полные и сокращенные: *аумовец/аумсинрикёвец* ‘последователь запрещенной секты Аум Синрикё’. С одной стороны, краткая форма объясняется речевым законом экономии языковых усилий; с другой стороны, для заимствований оказывается важным значение слова, становящееся более прозрачным в полной форме слова. Это иллюстрируют примеры с контекстами данных заимствований: «Знакомый аумовец подсказал ему электронный адрес одного из лидеров движения в Японии.» (*Комсомольская правда*, 1 сентября 2001). «Время от времени выпускаются словари неологизмов — новых слов в языке. Какими словами они забиты? “Аумсинрикёвец” — член секты Аум-Синрикё, “конгрессменчик”, “шоуменчик”. Это новые слова в русском языке?» (М. Энштейн. *Volnodynets*, 2006, с. 2).

Вариативность слов может быть обусловлена сохранением или опущением конечного гласного производящей основы, что также, возможно, связано с новизной слова и стремлением сохранить основу для лучшего понимания или стремлением к большей краткости: *амидаизм/амидизм* ‘религиозное направление японского буддизма, в центре которого — культ Будды Амиды’.

⁶ График частоты употребления слова «мандаринный» с 1932 по 2017 г. / Национальный корпус русского языка. URL: [22](https://ruscorpora.ru/results?search=CuYBEqoBCqCqChMKCWRpc2FtYm1vZBIGCgRtYWluChcKB2Rpc3Rtb2QSDAoKd2l0aF96ZXJvcxJ3Ch8KA2xleBIYChbQvNCw0L3QtNCw0YDQuNC90L3Ri9C5CgoKBGZvcm0SAgoACgsKBWdyYW1tEgIKAAoJCgNzZW0SAgoAChUKB3NlbS1tb2QSCgoIc2VtfnHNlbXgKDAoGc3ludGF4EgIKAAoLCgVmbGFncxICCGAqMAoICAAQChgyIAoQBSAAKLauXMOzxb0JQAVKB2NyZWZ0ZWZWRqBDAuOTV4AJgBAaABATICCAE6AQU=+https://ruscorpora.ru/results?search=Ct8BEqWBCqkBCChMKCWRpc2FtYm1vZBIGCgRtYWluChcKB2Rpc3Rtb2QSDAoKd2l0aF96ZXJvcxJ5CiEKA2xleBlaChjQvNCw0L3QtNCw0YDQuNC90L7QstGL0LkKCgoEZm9ybRICCGAKCwoFZ3JhbW0SAgoACgkKA3NlbRICCGAKFQoHc2VtLW1vZBIKCghzZW18c2VteAoMCGZzeW50YXgSAgoACgsKBWZsYWdzEgIKAConCggIABAKGDIgChAFIABABUoHY3JlYXRlZGoEMC45NXgAmAEBoAEbMgIIAToBBQ (дата обращения: 08.04.2025).</p>
</div>
<div data-bbox=)

Появление в русском языке вариантов *даосизм/таосизм*⁷/*таоизм* вызвано транслитерацией слова, записанного в новой стандартной системе китайского письма, называемой пиньинь, и в старой системе латинизации Уэйда — Джайлса. В последней системе не писали звонкие согласные, они появились только в пиньине, повсеместно утвердившемся в качестве стандарта латинизации только после 2000 г.

Возможна также вариативность слов, которая объясняется переводческими ошибками в передаче восточных слов. Например, первый вариант в паре *тяньцзинский/тяньцзиньский* ('имеющий отношение к китайскому городу Тяньцзинь') связан с ошибкой в передаче китайского слога, заканчивающегося на *-n* (*Tianjin*). Это слог следовало перевести с мягким знаком, что и сделано во втором варианте, а первый вариант является ошибочным.

Заключение

Данные дериваты в основной своей массе воспринимаются как чужие слова, как и их заимствованная основа. Но они образованы уже на русской почве, имеют русские аффиксы и поэтому должны считаться русскими словами, а не заимствованиями. Именно потому они находятся в промежуточной группе между ассимилированными заимствованиями и иноязычными словами. В то же время их положение в языке-реципиенте свидетельствует и об укреплении заимствованных слов, представляющих собой производящие основы. Как верно замечает А.К. Казкенова, появление способности к производству новых слов у заимствования является следствием его закрепления в принимающем языке в качестве самостоятельной единицы [Казкенова, 2013: 56].

В целом нет сомнения в том, что появление такого большого количества дериватов от восточноазиатских основ связано, с одной стороны, с интересом русскоязычных пользователей к восточным культурам и явлениям, характерным для жизни наших восточных соседей. С другой стороны, происходит явное обогащение самого русского языка — но не только за счет глобального английского, который бурным потоком врывается ко всем народам, принося с собой «чужие» концепты и дублетные формы и реализуя опосредованное контактирование культур.

⁷ *Таосизм* — достаточно редкая форма. См.: <https://religion.wikireading.ru/217883> (дата обращения: 08.04.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонова О.Л., Ососкова А.С. Декодирование оценочной семантики английских диминутивных и аугментативных наименований лица // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 1. С. 75–88.
2. Болдырев Н.Н. Феномен производности в культуре и языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 57–69.
3. Табдреева Н.В., Агеева А.В., Тимиргалеева А.Р. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода: монография. М.: Флинта : Наука, 2013.
4. Дьяков А.И. Англицизмы и их русские производные: монография. Новосибирск: Новосиб. гос. тех. ун-т, 2012.
5. Дьяков А.И. Англицизмы русского языка: за и против // Global Science. Development and Novelty. Collection of scientific papers on materials VII International Scientific Conference. 2018. Р. 49–56.
6. Жданова Е.А., Рацибурская Л.В. Лексико-словообразовательные новации в русскоязычной интернет-коммуникации: продуктивные словообразовательные модели // Русистика. 2024. Том 22, № 3. С. 350–362. DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-350-362
7. Загряжкина Т.Ю. Феномен hybridité / гибридность в гуманитарном дискурсе, межкультурной коммуникации и культурном трансфере // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 17–34.
8. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. / Отв. ред. Е.А. Земская. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 90–141.
9. Земская Е.А. Игровое словообразование // Язык в движении. К 70-летию Л.П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 186–193.
10. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992.
11. Казкенова А.К. Онтология заимствованного слова: монография. М.: Флинта : Наука, 2013.
12. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. / Отв. ред. Е.А. Земская. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 142–161.
13. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968.
14. Лопатин В.В. Универбация // Русский язык: энциклопедия. Изд. 2-е перераб. и доп. / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1997. С. 577.
15. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: ЭЛПИС, 2008.
16. Маринова Е.В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: словарь-справочник. М.: Флинта : Наука, 2013.
17. Маркова Е.М. Компрессия языковой формы в современной русской речи // Русистика. 2024. Том 22, № 3. С. 375–391. DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-375-391
18. Прошина З.Г. Межкультурная коммуникация: Английский язык и культура народов Восточной Азии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2020.

19. Прошина З.Г. На восточноазиатской волне: Русско-английский словарь восточных реалий. М.: Флинта, 2024.
20. Рацибурская Л.В. Российская словообразовательная наука в XXI веке // Русистика. 2019. Том 17, № 3. С. 276–299. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-3-276-299.
21. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М.: Омен : МГУ, 1998.
22. Современный русский литературный язык. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В.Г. Костомарова и В.И. Максимова. М.: Юрайт, 2010.
23. Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке: «Чужое» слово в языке и тексте. 2025. Том XXII, № 1.
24. Хашимов Р.И., Сотникова Е.А. Этноязыковые контакты и заимствование. М.: Флинта, 2021.
25. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. 2-е изд., испр. М.: Просвещение, 1972.
26. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? М.: Гнозис, 2010.

Zoya G. Proshina

DERIVATIVES OF EAST-ASIAN WORDS IN RUSSIAN

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; proshinazoya@yandex.ru

Abstract. The article discusses emergence and development of words whose roots have been borrowed from Chinese, Japanese, and Korean and have undergone further derivation in Russian. The author argues that this is an intermediary case between loanwords and foreign words that have not yet fully assimilated in the recipient language. The article provides for the semantic classification of East Asian loan roots, loanword classification into parts of speech among which are not only nouns but also many adjectives and even some verbs and adverbs. Semantic development of several derivatives is dwelt on. Characteristics and roles of affixes in East Asian loanwords are discussed. Variant forms of some derivatives are also a focus of this study, as well as the reasons for variability. In conclusion, the author draws attention to the mediating role of global English that brings in new concepts to other languages and cultures. These concepts, when verbalized, get local forms thanks to the derivational means of the recipient language.

Keywords: loanword, foreign word, Chinese, Japanese, Korean, Russian affixes, English as a mediator

For citation: Proshina Z.G. (2025) Derivatives of East-Asian words in Russian. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 3(28), pp. 9–27. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-1 (In Russ.)

About the author: Zoya G. Proshina — Dr. Habil. in Philology, Professor of the Department of Foreign Language Teaching Theory of the Faculty of Foreign

REFERENCES

1. Bessonova O.L., Ososkova A.S. 2024. Dekodirovaniye otsenочноi semantiki angliyskikh diminutivnykh i augmentativnykh naimenivaniy litsa [Decoding the evaluative semantics of English diminutive and augmentative person names]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, 2024. no. 1, pp. 75–88. (In Russ.)
2. Boldyrev N.N. 2021. Fenomen proizvodnosti v culture I yazyke [The derivation phenomenon in culture and language]. *Bulletin of Moscow University. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 57–69. (In Russ.)
3. Gabdreeva N.V., Ageeva A.V. & Timirgaleeva A.R. 2013. *Inoyazychnaya leksika v russkom yazyke noveishego perioda* [Foreign lexis in modern Russian]. Moscow: Flinta : Nauka. (In Russ.)
4. D'yakov A.I. 2012. *Anglitsizmy i ikh russkie proizvodnye* [English words and their Russian derivatives]. Novosibirsk: Novosib. Technical University. (In Russ.)
5. D'yakov A.I. 2018. Anglitsizmy russkogo yazyka: za i protiv [Anglicisms in Russian: pro and con]. *Global Science. Development and Novelty*. Collection of scientific papers on materials VII International Scientific Conference, pp. 49–56. (In Russ.)
6. Zhdanova E.A., Ratsiburskaya L.V. 2024. Leksiko-slovoobrazovatel'nye novatsii v russkoyazychnoi internet-kommunikatsii: produktivnye slovoobrazovatel'nye modeli [Lexical and word-formation innovations in the Russian-language Internet communication: Productive word-formation models]. *Russian Language Studies*, vol. 22, no. 3, pp. 350–362. DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-350-362. (In Russ.)
7. Zagryazkina T.Y. 2022. Fenomen hybridit'e / gibridnost v gumanitarnom disкурse, mezhkul'turnoi kommunikatsii I kul'turnom transfere [The phenomenon of hybridit'e / hybridity in the humanities discourse, intercultural communication and cultural tranfer]. *Bulletin of Moscow University. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 17–34. (In Russ.)
8. Zemskaya E.A. 2000. Aktivnye protsessy sovremennogo slovoпроизводства [Active processes in modern word building]. In Zemskaya E.A. (ed.). *Russkii yazyk kontsa 20 stoletiya (1985–1995)*. [The Russian Language of the late 20th century]. 2nd edn. (pp. 90–141). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)
9. Zemskaya E.A. 2007. Igrovoe slovoobrazovanie [Playful word building]. In *Yazyk v dvizhenii*. K 70-letiyu L.P. Krysina. [Language on the move. Festschrift to commemorate the 70th birthday of L.P. Krysin]. (pp. 186–193). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
10. Zemskaya E.A. 1992. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word building as an action]. Moscow : Nauka. (In Russ.)
11. Kaznenova A.K. 2013. *Ontologiya zaimstvovannogo slova* [The ontology of the loanword]: monograph. Moscow: Flinta : Nauka. (In Russ.)
12. Krysin L.P. 2000. Inoyazychnoe slovo v kontekste sovremennoi obshchestvennoi zhizni [A foreign word in the context of contemporary social life]. In Zemskaya E.A. (ed.). *Russkii yazyk kontsa 20 stoletiya (1985–1995)*. [The Russian Language

of the late 20th century]. 2nd edn. (pp.142–161) Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)

13. Krysin L.P. 1968. *Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke* [Foreign words in contemporary Russian]. Moscow : Nauka. (In Russ.)

14. Lopatin V.V. 1997. Univerbatsiya [Univerbization]. In Karaulov Yu.N. (ed.). *Russkii yazyk: entsiklopediya*. [The Russian Language: Encyclopedia. 2nd edn, revised]. (p. 577). Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya : Drofa. (In Russ.)

15. Marinova E.V. 2008. *Inoyazychnye slova v russkoi rechi kontsa XX — nachala XXI v.: problemy osvoeniya i funktsionirovaniya*. [Foreign words in the Russian speech of the late 20th — early 21st centuries: issues of assimilation and functioning.] Moscow: ELPIS. (In Russ.)

16. Marinova E.V. 2013. *Teoriya zaimstvovaniya v osnovnykh ponyatiyakh i terminakh: slovar'-spravochnik*. [Theory of loanwords via basic concepts and terms]. Moscow: Flinta : Nauka. (In Russ.)

17. Markova, E.M. 2024. KompRESSiya yazykovoi formy v sovremennoi russkoi rechi [Language form compression in modern Russian speech]. *Russian Language Studies*, vol. 22, no. 3, pp. 375–391. DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-375-391 (In Russ.)

18. Proshina, Z.G. 2020. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: Angliiskii yazyk i kul'tura narodov Vostochnoi Azii*. [Intercultural communication: The English language and culture of East Asia.] 2nd edn., revised. Moscow: Urait. (In Russ.)

19. Proshina, Z.G. 2024. *Na vostochnoaziatskoi volne: Russko-angliiskii slovar' vostochnykh realii*. [On the East Asian wave; Russian-English dictionary of East-Asian culture-loaded words]. Moscow : Flinta. (In Russ.)

20. Ratsiburskaya, L.V. 2019. Rossiiskaya slovoobrazovatel'naya nauka v XXI veke [Word-building science in Russia in the XXI century]. *Russian Language Studies*, vol. 17, no. 3, pp. 276–299. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-3-276-299. (In Russ.)

21. Smirnitiskii, A.I. 1998. *Leksikologiya angliiskogo yazyka*. [English lexicology]. Moscow : Omen : MGU. (In Russ.)

22. Kostomarov, V.G., Maksimov, V.I. (eds.). 2010. *Sovremennyi russkii literaturnyi yazyk*. [Modern Russian literary language]. 2nd edn. Moscow: Urait. (In Russ.)

23. *The Humanities and Social Studies in the Far East: "Others' Words" in Language and Text*. 2025. Vol. 22. No. 1. (In Russ.)

24. Khashimov, R.I., Sotnikova, E.A. 2021. *Etnoyazykovye kontakty i zaimstvovanie*. [Ethnic language contacts and loanwords]. Moscow : Flinta. (In Russ.)

25. Shanskii, N.M. 1972. *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka*. [Modern Russian lexicology]. 2nd edn., revised. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)

26. Yudina, N.V. 2010. *Russkii yazyk v XX veke: krizis? evolyutsiya? progress?* [The Russian language in the 20th century: crisis? Evolution? Progress?]. Moscow: Gnozis. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.05.2025;
одобрена после рецензирования 10.06.2025;
принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 08.05.2025;
approved after reviewing 10.06.2025;
accepted for publication 27.06.2025